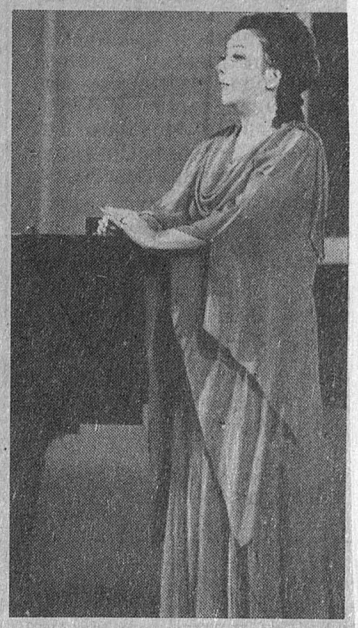
САМОБЫТНОСТЬ ТАЛАНТОВ



ВЧЕРА В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ ТБИЛИССКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ СОСТОЯЛСЯ КОНЦЕРТ ЛАУРЕАТА КОНКУРСА ИМЕНИ ГЛИНКИ, СОЛИСТКИ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР, ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ РСФСР ЕЛЕНЫ НИКОЛАЕВНЫ ЗИМЕНКОВОЙ И ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ, СОЛИСТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА ИМЕНИ КИРОВА, НАРОДНОГО АРТИСТА СССР БОРИСА ТИМОФЕЕВИЧА ШТОКОЛОВА.

★

Очень хочется громко, публично удивиться тому, что до сих пор мы не встречались ни с Зименковой, ни со Штоколовым. А между тем Зименкова не просто вокалистка высокого класса — она артистка необычного дарования, редкого в наш век, блестящих, темпераментных, раскованных, напористых, похожих друг на друга молодых артистов.

Главное в артистическом обличии Зименковой — достоинство, скромность и благородство. Благородна ее сдержанная и глубокая эмоциональность, благородна музыкальность, вкус, благороден и чистый, женственный внешний облик артистки. Ее блистательная колоратурная природа раскрылась в этом концерте по-настоящему лишь в «Соловье» Сен - Санса. А до того — в речитативе и арии Амины из «Сомнамбулы» Беллини, в сцене обольщения из «Манон» Масснэ округлая насыщенность центральных нот и некоторая тяжеловесность эмиссии не предсказывали такого технического великолепия. Тембр голоса Зименковой — цвета темного серебра, теплый, глубокий. Приемом филировки она владеет мастерски — звук возникает, истаивает, возрождается вновь, и между этими его разными динамическими состояниями не найти шва. Как привольно живется Зименковой в колоратурном пиршестве «Соловья» Сен - Санса с его каскадом фиоритур, трелей, стаккато. И нигде голос не теряет пленительного обертонового ореола, делающего звук парящим, невесомым.

Рахманинова Зименкова называет одним из самых близких ей авторов. В его романсах «Здесь хорошо» и «Не пой, красавица» певица продемонстрировала высокую культуру слова, глубокое знание певческой орфоэпии и серьезнейшее отношение к музыкальному тексту... Здесь мы должны отметить с благодарностью концертмейстера Зименковой — дипломанта международного конкурса в Рио-де-Жанейро Полину Маевскую. Достаточно вспомнить фортепьянные постлюдии в обоих романсах Рахманинова, безупречное исполнение «Серенады» Чайковского, в которой так часто синкопы у пианистов «душат» живую музыку — у Маевской они создают мягкий и точно организующий солиста музыкальный пульс.

Блестящим исполнением арии Лючии из «Лючии де Ламмермур» Доницетти Зименкова заставила подумать о том, что хорошо было бы услышать такую Лючию в прекрасном спектакле кутаисцев.

Писать о солисте Ленинградского оперного театра, лауреате Государственных премий, народном артисте СССР Борисе Тимофеевиче Штоколове очень трудно. Насмотревшись по телевизору (чаще в «Голубом огоньке», реже — в серьезных профессиональных передачах), наслушавшись по радио, идешь на концерт, вооруженный и обремененный своими представлениями о Штоколове. И тут же убеждаешься, что живой Штоколов — тайна, которую, неизвестно, откроешь ли до конца. Атмосфера, которую создает певец, определению поддается трудно. Сказать, что это свободное музицирование, — значит, сказать лишь толику правды. А правда в том, что Штоколов стоит, дышит, поет — поет себя, поет себе, потому что сейчас ему, как тургеневскому Яшке - Турку, пришла пора петь, то есть быть перед нами. Вот он и есть. Наполненность, сосредоточенность, какая-то гордая независимость певца от наших суждений и впечатлений поражает. Органичность, естественность и искренность Штоколова так высоки, что начисто уничтожают банальность музыки в мелодраматическом «жестоком» романсе Фомина «Только раз бывает в жизни встреча». Большой, печальный человек поет о своей тоске, о жажде счастья. Надо слышать, как поет Штоколов русскую народную песню «Ямщик, не гони лошадей». Это целая баллада о любви, об одиночестве, в которой потрясающая кульминация там, где Штоколов... молчит. Молчит Штоколов, и играет замечательный пианист Юрий Маевский. Играет собственную аранжировку песни так, что понятно, о чем так невероятно молчит Штоколов Такой же балладой-размышлением становится столь же великолепно аранжированная Маевским русская народная песня «Вечерний звон».

«Я люблю петь в концертах, опера, на мой взгляд, перестает быть собой, потому что в ней надо состязаться с оркестром — кто громче. В ней перестали уважать человеческий голос. И нигде нет настоящей акустики, везде пластмасса (так удобно хозяйственникам!), плюш, бархат, убивающий голос. Сидеть удобно, а слушать нечего — не услышишь». Мы услышали простую, непритязательную музыку, но открытость, искренность, незащищенность чистого героя Штоколова таковы, что весь концерт и еще долго после вы влюблены в него и в те чувства, о которых он поет.

Его певческая манера в исполнении этих песен не укладывается в представление о классическом пении. Он закрывает слоги, подчеркнуто поет согласные в конце слова, злоупотребляет «портаменто». Все это неважно. Услышали ли мы легендарный бас Штоколова в полной мере? Нет, пожалуй. Но и это не важно. Мы услышали Штоколова, того, который весь поет даже тогда, когда молчит. Большого певца, неповторимого. И пусть поверят на слово те, кто — увы! — не слышал этого концерта — неповторимого.

Ламара ГОГЛИЧИДЗЕ.

5 ОКТ 1983